

ДОШКОЛЬНОЕ
ЧТЕНИЕ

Сельма Лагерлёф

Чудесное
путешествие
Нильса с дикими
гусями

Сказочная
повесть

Соответствует
ФГОС ДО

«МАЛЫШ»

Дошкольное чтение

Сельма Лагерлёф

**Чудесное путешествие
Нильса с дикими гусями**

«ФТМ»

«АСТ»

1906

УДК 821.113-6-34-053.2
ББК 84(4Шве)-44

Лагерлёф С.

Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями /
С. Лагерлёф — «ФТМ», «АСТ», 1906 — (Дошкольное
чтение)

ISBN 978-5-17-104092-5

Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» – сказочная повесть Сельмы Лагерлёф об озорном мальчишке Нильсе, который вместе с домашним гусем Мартиным присоединился к стае диких гусей и отправился в далёкую Лапландию – гусиную страну. За время путешествия Нильс попадёт в самые разные приключения, научится ценить дружбу, станет ответственным и повзрослеет. Классический пересказ А. Любарской и З. Задунайской. Иллюстрации знаменитых художников Э. Булатова и О. Васильева. Для дошкольного возраста.

УДК 821.113-6-34-053.2

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-104092-5

© Лагерлёф С., 1906

© ФТМ, 1906

© АСТ, 1906

Содержание

Глава I	6
1	6
2	8
3	10
Глава II	13
1	13
2	14
3	17
Глава III	21
1	21
2	23
Глава IV	25
1	25
2	27
3	29
4	31
5	34
6	36
7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сельма Лагерлёф

Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями

© Пересказ, Задунайская З.М., насл., 2017

© Пересказ, Любарская А.И, насл., 2017

© Перевод, Маршак С.Я., насл., 2017

© Булатов Э.В., ил., 2017

© Васильев О.В., ил., насл., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Художники

Э. Булатов и О. Васильев

Глава I Лесной гном

1

В маленькой шведской деревушке Вестменхёг жил мальчик по имени Нильс. С виду – мальчик как мальчик. А сладу с ним не было никакого. На уроках он считал ворон и ловил двойки, в лесу разорял птичьи гнёзда, гусей дразнил, кур гонял, а в коров бросал камни. Так прожил он до двенадцати лет. И тут случилось с ним необыкновенное происшествие. Дело было так.

Нильс сидел дома один.

День был воскресный, и отец с матерью ушли в соседнюю деревню на ярмарку. Нильс тоже собирался с ними. Он даже надел свою праздничную клетчатую рубашку с большими, как бляхи, перламутровыми пуговицами и новые кожаные штаны. Но пощеголять своим нарядом на этот раз ему не удалось.

Как назло, отцу вздумалось перед самым уходом проверить его школьный дневник. Отметки были ничуть не хуже, чем на прошлой неделе, – даже, пожалуй, лучше: три двойки и одна единица. Да разве отцу угодишь?

Отец приказал Нильсу сидеть дома и учить уроки.

Конечно, можно было и не послушаться, но отец недавно купил широкий жёсткий ремень с тяжёлой медной пряжкой и обещал обновить его на спине у Нильса при первом же удобном случае. Что тут поделаешь!

Нильс уселся за стол, раскрыл книжку и... принялся глядеть в окно.

Снег, пригретый мартовским солнцем, уже растаял.

По всему двору весело бежали мутные ручьи, разливаясь широкими озёрами.

Куры и петухи, высоко подбирая лапы, осторожно обходили лужи, а гуси смело лезли в холодную воду и барахтались в ней и плескались, так что брызги летели во все стороны.

Нильс и сам был бы не прочь пошлёпать по воде, если бы не эти несчастные уроки.

Он тяжело вздохнул и с досадой уставился в учебник.

Но вдруг скрипнула дверь, и в комнату проскользнул большой пушистый кот. Нильс очень ему обрадовался. Он даже забыл про все ссадины и царапины, которые остались ему на память об их последней битве.

– Мур-мур-мур! – позвал Нильс кота.

Увидев Нильса, кот выгнул горбом спину и попятился к двери – он хорошо знал, с кем имеет дело. Да и память у него была не такая короткая. Ведь ещё и трёх дней не прошло, как Нильс спичкой опалил ему усы.

– Ну, иди же, иди, мой котик, иди, котище! Поиграем немножко, – уговаривал его Нильс.

Он перевесился через ручку кресла и легонько пощекотал кота за ухом.

Это было очень приятно: кот сразу размяк, замурлыкал и стал тереться о ногу Нильса. А Нильс только того и ждал.

Раз! – и кот повис на своём собственном хвосте.

– Мя-а-а-у! – пронзительно заорал кот.

– Ай-я-яй! – ещё громче закричал Нильс и отшвырнул кота: извернувшись в воздухе, кот всё-таки успел погладить Нильса своими когтями.

На том игра у них и кончилась.

Кот удрал, а Нильс снова уткнулся в книгу.

Но прочёл он немного.

Буквы стали почему-то прыгать перед глазами, строчки то сливались, то разбегались... Нильс и сам не заметил, как он уснул.

2

Спал Нильс недолго – его разбудил какой-то шорох.

Нильс приподнял голову. В зеркале, которое висело над столом, отражалась вся комната.

Вытянув шею, Нильс стал внимательно всматриваться в зеркало.

В комнате никого не было.

И вдруг Нильс увидел, что сундук, в котором мать хранила свои праздничные платья, почему-то открыт.

Нильс испугался. Может быть, пока он спал, в комнату забрался вор и теперь прячется где-нибудь здесь, за сундуком или шкафом?

Нильс съёжился и затаил дыхание.

И вот в зеркале мелькнула тень. Ещё раз мелькнула. Ещё...

По краю сундука кто-то медленно и осторожно полз.

Мышь? Нет не мышь.

Нильс прямо впился глазами в зеркало.

Что за чудо! На краю сундука он ясно разглядел маленького человечка. На голове у этого человечка был остроконечный колпачок, долгополый кафтан доходил до самых пят, на ногах были красные сафьяновые сапожки с серебряными пряжками.

Да ведь это гном! Самый настоящий гном!

Мать часто рассказывала Нильсу о гномах. Они живут в лесу. Они умеют говорить и по-человечьи, и по-птичьи, и по-звериному. Они знают о всех кладах, которые лежат в земле. Если захотят гномы – зимой на снегу цветы зацветут, захотят – летом реки замёрзнут.

Но зачем гном забрался сюда? Что ищет он у них в сундуке?

– А ну-ка, постой! Вот я тебя сейчас, – прошептал Нильс и сдёрнул с гвоздя сачок для ловли бабочек.

Один взмах – и гном забился в сетке, как пойманная стрекоза. Колпачок его съехал на нос, ноги запутались в широком кафтане. Он беспомощно барахтался и размахивал руками, пытаясь схватиться за сетку. Но чуть только ему удавалось привстать, Нильс встряхивал сачок, и гном опять срывался вниз.

– Послушай, Нильс, – взмолился, наконец, гном, – отпусти меня на волю! Я дам тебе за это золотую монету, да такую большую, как пуговица на твоей рубашке.

Нильс на минутку задумался.

– А что ж, это, пожалуй, неплохо, – сказал он и перестал раскачивать сетку.

Цепляясь за редкую ткань, гном ловко полез вверх. Вот он уже схватился за железный обруч, и над краем сетки показался его колпачок...

Тут Нильсу пришло в голову, что он продешевил. Вдобавок к золотой монете можно было ведь потребовать, чтобы гном учил за него уроки. Да мало ли что ещё можно придумать! Гном теперь на всё согласится! Когда сидишь в сачке, торговаться не станешь.

И Нильс снова тряхнул сеткой.

Но вдруг он получил такую здоровенную затрещину, что сетка выпала у него из рук, а сам он кубарем откатился в угол.

3

С минуту Нильс лежал не двигаясь, а потом, кряхтя и охая, встал.

Гнома уже и след простыл. Сундук был закрыт, а сетка для бабочек висела на своём месте – между окном и шкафом.

– Приснилось мне всё это, что ли? – сказал Нильс и, прихрамывая, поплёлся к своему креслу.

Он сделал два шага и остановился. С комнатой что-то случилось. Стены их маленького домика раздвинулись, потолок ушёл высоко вверх, а кресло, на котором Нильс всегда сидел, возвышалось перед ним неприступной горой. Чтобы взобраться на него, Нильсу пришлось карабкаться по витой ножке, как по корявому стволу дуба.

Книга по-прежнему лежала на столе, но она была такая огромная, что вверху страницы Нильс не мог разглядеть ни одной буквы. Он улёгся животом на книгу и медленно пополз от строчки к строчке, от слова к слову.

Он прямо вспотел, пока прочёл одну фразу.

– Что за чертовщина! Так ведь я и к завтрашнему дню до конца страницы не доползу, – сказал Нильс и рукавом отёр пот со лба.

И вдруг он увидел, что из зеркала на него смотрит крошечный человечек – совсем такой же, как тот гном, который попался к нему в сетку. Только одет по-другому: в кожаных штанах и в клетчатой рубашке с большими пуговицами.

«Да тут ещё один! – подумал Нильс. – И вырядился-то как! Точно в гости пришёл!»

– Эй, ты, чего тебе здесь надо? – крикнул Нильс и погрозил человечку кулаком.

Человечек тоже погрозил Нильсу кулаком.

Нильс подбоченился и высунул язык. Человечек тоже подбоченился и тоже показал Нильсу язык.

Нильс топнул ногой. И человечек топнул ногой.

Нильс прыгал, вертелся волчком, размахивал руками, но человечек не отставал от него. Он тоже прыгал, тоже вертелся волчком и размахивал руками.

Тогда Нильс сел на книгу и горько заплакал. Он понял, что гном заколдовал его и что маленький человечек, который смотрит на него из зеркала, – это он сам, Нильс Хольгерсон.

Поплакав немного, Нильс вытер глаза и решил идти искать гнома. Может быть, если хорошенько попросить прощения, гном снова превратит его в мальчика?

Нильс выбежал во двор. Перед домом прыгал воробей.

Чуть только Нильс показался на пороге, воробей вспорхнул на изгородь и закричал во весь свой воробьиный голос:

– Посмотрите-ка на Нильса! Посмотрите-ка на Нильса!

А куры захлопали крыльями и наперебой закудахтали:

– Так ему и надо! Так ему и надо!

И удивительное дело – Нильс прекрасно всех понимал.

Гуси обступили Нильса со всех сторон и, вытягивая шеи, шипели ему в самое ухо:

– Хорош! Ну уж хорош! Что, боишься теперь? Боишься? – И они клевали его, щипали, долбили клювами, дёргали то за руки, то за ноги.

Бедному Нильсу пришлось бы совсем плохо, если б в это время над их деревней не пролетала стая диких гусей. Они летели высоко в небе, вытянувшись правильным треугольником, но, увидев своих родичей – домашних гусей, – спустились ниже и закричали:

– Га-га-га! Летите с нами! Летите с нами! Мы летим на север, в Лапландию! В Лапландию!

Домашние гуси сразу забыли про Нильса. Они заволновались, загоготали, захлопали крыльями, как будто пробовали, могут ли они взлететь. Но старая гусыня – она приходилась бабушкой доброй половине гусей – бегала вокруг них и кричала:

– С ума сошли! С ума сошли! Не делайте глупостей! Ведь вы не какие-нибудь бродяги, вы почтенные домашние гуси!

А потом задрала голову и закричала в небо:

– Нам и тут хорошо! Нам и тут хорошо!

Только один молодой гусь не послушался советов старой бабушки. Широко расправив большие белые крылья, он стремительно побежал по двору.

– Подождите меня, подождите меня! – кричал он. – Я лечу с вами! С вами!

«Да ведь это Мартин, лучший мамин гусь, – подумал Нильс. – Чего доброго, он и в самом деле улетит!»

– Стой, стой! – закричал Нильс и бросился за Мартином. Нильс едва догнал его. Он изловчился, подпрыгнул и, обхватив руками длинную шею Мартина, повис на нём. Но гусь даже не почувствовал этого, точно Нильса и не было. Он сильно взмахнул крыльями – раз, другой – и, сам того не ожидая, взлетел в воздух.

Прежде чем Нильс понял, что произошло, они уже были высоко в небе.

Глава II

Верхом на гусе

1

Ветер бил в лицо, рвал волосы, выл и свистел в ушах. Нильс сидел верхом на гусе, как всадник на скачущем коне: он вобрал голову в плечи, съёжился и всем телом припал к шее Мартина. Руками он крепко вцепился в гусиные перья и от страха зажмурил глаза.

– Сейчас упаду, вот сейчас упаду, – шептал он при каждом взмахе больших белых крыльев. Но прошло десять минут, двадцать, а он не падал. Наконец он расхрабрился и чуть-чуть приоткрыл глаза.

Справа и слева мелькали серые крылья диких гусей, над самой головой Нильса, чуть не задевая его, проплывали облака, а далеко-далеко внизу темнела земля. Она была совсем не похожа на землю. Казалось, что кто-то разостлал под ними огромный клетчатый платок. Одни клетки были совсем чёрные, другие желтовато-серые, третьи светло-зелёные.

Это были луга, покрытые едва пробивающейся травой, и только что распаханное поле.

Поля сменялись тёмными лесами, леса озёрами, озёра снова полями, а гуси всё летели и летели.

Нильс совсем приуныл.

«Чего доброго, они и в самом деле занесут меня в Лапландию!» – подумал он.

– Мартин! Мартин! – крикнул он гусю. – Поворачивай домой! Хватит, налетались!

Но Мартин ничего не ответил.

Тогда Нильс изо всей силы пришпорил его своими деревянными башмачками.

Мартин чуть-чуть повернул голову и прошипел:

– Слушай, ты! Сиди смирно, а не то вот сброшу тебя... Тогда полетишь вверх тормашками!

Пришлось сидеть смирно.

2

Весь день белый гусь Мартин летел вровень со всей стаей, будто он никогда и не был домашним гусем, будто он всю жизнь только и делал, что летал.

«И откуда у него такая прыть взялась?» – удивлялся Нильс.

Но к вечеру Мартин всё-таки стал сдавать. Теперь-то всякому было видно, что летает он без году один день: то вдруг отстанет, то вырвется вперёд, то как будто провалится в яму, то словно подскочит вверх.

И дикие гуси тоже увидели это.

– Акка Кнебекайзе! Акка Кнебекайзе! – закричали они.

– Что вам от меня нужно? – крикнула гусыня, летевшая впереди всех.

– Белый отстаёт!

– Он должен знать, что летать быстро легче, чем летать медленно! – крикнула гусыня, даже не обернувшись.

Мартин пытался сильнее и чаще взмахивать крыльями, но усталые крылья отяжелели и больше не слушались его.

– Акка! Акка Кнебекайзе!

– Что вам ещё от меня нужно?

– Белый не может лететь так высоко!

– Он должен знать, что летать высоко легче, чем летать низко!

Бедный Мартин напряг последние силы и взлетел как только мог выше. Но тут у него перехватило дыхание, и крылья совсем ослабели.

– Акка Кнебекайзе! Белый падает!

– Кто не может лететь, как мы, пусть сидит дома, скажите это белому! – крикнула Акка, не замедляя полёта.

– И верно, лучше бы нам сидеть дома, – прошептал Нильс и покрепче уцепился за шею Мартина.

Мартин, как подстреленный, падал вниз.

Счастье ещё, что внизу им подвернулась какая-то тощая ветла. Мартин зацепился за верхушку дерева и застрял среди веток.

Так они и сидели на ветле.

Крылья у Мартина обвисли, шея болталась, как тряпка, он громко дышал, широко разевая клюв, точно хотел захватить побольше воздуха.

Нильсу стало жалко Мартина. Он даже попробовал его утешить.

– Милый Мартин, – сказал Нильс ласково, – не печалься, что они тебя бросили. Ну посуди сам: куда тебе с ними тягаться? Вот отдохнёшь немножко, и вернёмся домой.

Но это было плохое утешение. Как?! Сдаться в самом начале пути? Нет, ни за что!

– Ты уж лучше не суйся со своими советами, – прошипел Мартин. – Придержи язык!

И он с такой яростью замахал крыльями, что сразу же поднялся высоко вверх и скоро догнал стаю.

На его счастье, уже наступал вечер.

На землю легли чёрные тени: с озера, над которым летели дикие гуси, потянулся густой туман.

Стая Акки Кнебекайзе спустилась на ночёвку.

3

Чуть только гуси коснулись прибрежной полосы земли, они сразу полезли в воду. На берегу остались только гусь Мартин и Нильс.

Как с ледяной горки, Нильс съехал со скользкой спины Мартина. Наконец-то он на земле! Он расправил затёкшие руки и ноги и поглядел по сторонам.

Место было пустынное. К самому озеру чёрной стеной подступали высокие ели. Из тёмной глубины леса слышалось какое-то потрескивание и шуршание. Всюду снег уже растаял, а здесь, у корявых разросшихся корней, снег всё ещё лежал плотным толстым слоем. Можно было подумать, что ели ни за что не хотят расстаться с зимой.

Нильсу стало не по себе.

Как далеко они залетели! Теперь, если Мартин даже захочет вернуться, им всё равно не найти дороги домой... А всё-таки Мартин молодец!.. Да где же он?

– Мартин! Мартин! – позвал Нильс.

Никто не ответил. Нильс растерянно оглянулся.

Бедный Мартин! Он лежал, как мёртвый, распластав по земле крылья и вытянув шею. Глаза его были подёрнуты мутной плёнкой.

Нильс испугался.

– Милый гусь Мартин, – сказал Нильс, наклонившись к нему, – выпей глоток воды! Ты увидишь, тебе сразу станет лучше.

Но гусь не шевелился.

Тогда Нильс схватил его обеими руками за шею и потащил к воде.

Это было нелёгкое дело. Гусь был самый лучший в их хозяйстве, и мать раскормила его на славу. А Нильса сейчас едва от земли видно. Но всё-таки он дотащил Мартина до самого озера и сунул его головой прямо в студёную воду.

Мартин сразу ожил. Он открыл глаза, глотнул разок-другой и с трудом встал на лапы. С минуту он постоял, шатаясь из стороны в сторону, потом залез в озеро и медленно поплыл между льдинами. То и дело он погружал клюв в воду, а потом, запрокинув голову, жадно глотал водоросли.

«Ему-то хорошо, – с завистью подумал Нильс, – а ведь я тоже с утра ничего не ел». И Нильсу сразу так захотелось есть, что у него даже засосало под ложечкой.

В это время Мартин подплыл к берегу. В клюве у него была зажата серебристая рыбка. Он положил рыбку перед Нильсом и сказал:

– Дома мы не были с тобой друзьями. Но ты помог мне в беде, и я хочу отблагодарить тебя.

Нильс никогда ещё не пробовал сырой рыбы. Но что делать, надо привыкать! Другого ужина не получишь.

Он порылся у себя в карманах, разыскивая свой складной ножичек.

Ножичек, как всегда, лежал с правой стороны, только стал маленький, точно булавка, – впрочем, как раз по карману.

Нильс раскрыл ножичек и принялся потрошить рыбу.

Вдруг он услышал какой-то шум и плеск: это, отряхиваясь, вышли на берег дикие гуси.

– Смотри не проболтайся, что ты человек, – шепнул Нильсу Мартин и почтительно выступил вперёд, приветствуя стаю.

Теперь можно было хорошенько рассмотреть всю компанию. Надо признаться, что красотой они не блистали, эти дикие гуси. И ростом не вышли, и нарядом не могли похвастаться. Все как на подбор серые, точно пылью покрытые, – хоть бы у кого-нибудь одно белое пёрышко!

А ходят-то как! На каждом шагу подскакивают, о каждый камень спотыкаются, клювом чуть землю не пашут.

Нильс даже фыркнул. А Мартин от удивления развёл крыльями. Разве так ходят порядочные гуси? Ходить надо медленно, аккуратно припечатывая ступню к земле, голову держать высоко. А эти ковыляют, точно хромые.

Впереди всех выступала старая-престарая гусыня. Ну, уж это была и красавица! Шея тощая, из-под перьев кости торчат, а крылья точно обгрыз кто-то. Но все гуси почтительно смотрели на неё, не смея заговорить, пока она первая не скажет своё слово.

Это была сама Акка Кнебекайзе, предводительница стаи.

Сто раз уже водила она гусей с юга на север и сто раз возвращалась с ними с севера на юг. Каждый кустик, каждый островок на озере, каждую полянку в лесу знала Акка Кнебекайзе. Никто не умел выбрать место для ночёвки лучше, чем Акка Кнебекайзе, никто не умел лучше, чем она, укрыться от хитрых врагов, подстерегающих гусей на каждом шагу.

Акка долго разглядывала Мартина от кончика клюва до кончика хвоста и, наконец, сказала:

– Наша стая не может принимать к себе первых встречных. Все, кого ты видишь перед собой, принадлежат к лучшим гусиным семействам. А ты даже летать как следует не умеешь. Что ты за гусь, какого рода и племени?

– Моя история не длинная, – грустно сказал Мартин. – Я родился в прошлом году в местечке Сванегольм, а осенью меня продали в соседнюю деревню к Хольгеру Нильсону. Там я и жил до сегодняшнего дня.

– Как же ты набрался храбрости лететь с нами? – удивилась Акка Кнебекайзе.

– Мне очень захотелось посмотреть, что это за Лапландия такая. А заодно я решил доказать вам, диким гусям, что и мы, домашние гуси, кое на что способны.

Акка молча с любопытством разглядывала Мартина.

– Ты смелый гусь, – сказала она наконец. – А тот, кто смел, может быть хорошим товарищем в пути.

Вдруг она увидела Нильса.

– А это кто ещё с тобой? – спросила Акка. – Таких, как он, я никогда не видывала.

Мартин замялся на минутку.

– Это мой товарищ... – неуверенно сказал он.

Но тут Нильс выступил вперёд и решительно заявил:

– Меня зовут Нильс Хольгерсон. Мой отец крестьянин, и до сегодняшнего дня я был человеком, но сегодня утром...

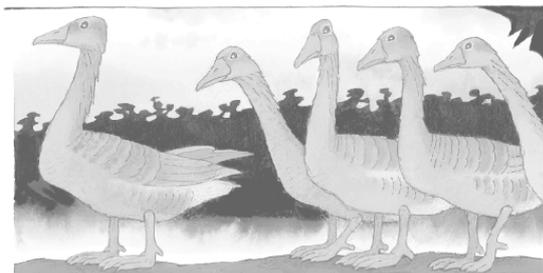
Кончить ему не удалось. Услышав слово «человек», гуси попятились назад и, вытянув шеи, злобно зашипели, загоготали, захлопали крыльями.

– Человеку не место среди диких гусей, – сказала старая гусыня. – Люди были, есть и будут нашими врагами. Ты должен немедленно покинуть стаю.

Мартин не выдержал и вмешался:

– Но ведь его даже человеком нельзя назвать! Смотрите, какой он маленький! Я ручаюсь, что он не сделает вам никакого зла. Позвольте ему остаться хотя бы на одну ночь.

Акка испытующе посмотрела на Нильса, потом на Мартина и наконец сказала:

– Наши деды, прадеды и прапрадеды завещали нам никогда не доверяться человеку, будь он маленький или большой. Но если ты ручаешься за него, то так и быть – сегодня пусть он останется с нами. Мы ночуем на большой льдине посреди озера. А завтра утром он должен покинуть нас.

С этими словами она поднялась в воздух, а за нею полетела вся стая.

– Послушай, Мартин, – робко спросил Нильс, – ты что же, полетишь с ними?

– Ну, конечно, полечу! – с гордостью сказал Мартин. – Не каждый день домашнему гусю выпадает такая честь – лететь в стае Акки Кнебекайзе!

– А как же я? – опять спросил Нильс. – Мне ни за что одному не добраться домой. Я теперь и в траве заблужусь, не то что в этом лесу.

– Домой тебя отвезить мне некогда, сам понимаешь, – сказал Мартин. – Но вот что я могу тебе предложить: летим-ка вместе в Лапландию. Посмотрим, как там и что, а потом вместе и домой вернёмся. Акку я уж как-нибудь уговорю, а не уговорю – так обману. Ты теперь маленький, спрятать тебя нетрудно. Ну, а сейчас за дело! Собери-ка поскорее сухой травы. Да побольше!

Когда Нильс набрал целую охапку прошлогодней травы, Мартин осторожно подхватил его за ворот рубашки и перенёс на большую льдину посредине озера.

Дикие гуси уже спали, подвернув головы под крылья.

– Теперь разложи траву, – скомандовал Мартин, – а то без подстилки у меня, чего доброго, лапы ко льду примёрзнут.

Подстилка хоть и получилась жидковатая (много ли теперь Нильс мог травы унести!), но всё-таки лёд кое-как прикрывала.

Мартин стал на неё, снова схватил Нильса за шиворот и сунул к себе под крыло.

– Спокойной ночи! – сказал Мартин и покрепче прижал крыло, чтобы Нильс не вывалился.

Глава III Ночной вор

1

Когда все птицы и звери уснули крепким сном, из лесу вышел лис Смирре. Каждую ночь выходил Смирре на охоту, и плохо было тому, кто неосторожно засыпал, не успев забраться на высокое дерево или спрятаться в глубокой норе. Мягкими, неслышными шагами подошёл лис Смирре к озеру. Он давно уже выследил стаю диких гусей и заранее облизывался, думая о вкусной гусятине.

Но старая Акка Кнебекайзе хорошо знала все его повадки – потому она и выбрала для ночёвки льдину на самой середине озера.

Широкая чёрная полоса воды отделяла Смирре от диких гусей.

Смирре стоял на берегу и от злости щёлкал зубами.

И вдруг он заметил, что ветер медленно-медленно подгоняет льдину к берегу.

«Ага, добыча всё-таки моя!» – ухмыльнулся Смирре и, присев на задние лапы, терпеливо принялся ждать.

Он ждал час... Ждал два часа... три...

Чёрная полоска воды между берегом и льдиной становилась всё у́же и у́же.

Вот сквозь запах воды и прелой, сырой земли он почуял гусиный дух.

Смирре облизнулся и проглотил слюну.

С шуршаньем и лёгким звоном льдина ударилась о берег и чуть-чуть подалась назад.

Смирре изловчился и прыгнул на лёд.

Он подбирался к стае так тихо, как будто лапы его не касались льда. Ни один гусь не услышал приближения врага. Услыхала только старая Акка. Резкий крик её разнёсся над озером, и сейчас же вся стая с шумом взвилась в воздух. Но было поздно. Смирре уже успел схватить одного гуся и перемахнуть на берег.

Крик Акки Кнебекайзе разбудил и Мартина. Сильным взмахом он раскрыл крылья и быстро взлетел вверх.

А Нильс так же быстро полетел вниз.

Он стукнулся об лёд и открыл глаза. Спросонок он даже не понял, где он и что с ним случилось, но, увидев лиса, удиравшего с гусем в зубах, не раздумывая долго, кинулся за ним. Он совсем забыл, что лис, если захочет, может раздавить его теперь одной лапой.

– Вор! Вор! Вот я тебя! Сейчас же брось гуся! – кричал Нильс.

– Это ещё кто такой? – удивился Смирре.

Он был любопытен, как все лисы на свете, и поэтому остановился и повернул морду.

Сначала он даже не увидел никого.

Только когда Нильс подбежал ближе, Смирре разглядел своего страшного врага.

И ему сразу стало так смешно, что он чуть не выронил добычу.

– Отдавай гуся! Слышишь? – кричал Нильс, размахивая кулачками.

Но Смирре не обратил на него никакого внимания: он положил гуся на землю, придавил передними лапами, приготовился перекусить ему горло.

«Этот лис, кажется, и за человека меня не считает», – подумал Нильс и что было силы дёрнул лиса за хвост.

От неожиданности Смирре выпустил гуся. Всего только на секунду. Но больше секунды и не надо было. Гусь рванулся вверх и, тяжело взмахивая помятыми крыльями, полетел к озеру.

– Ах, так? – прошипел Смирре. – Ну, ладно же! Тогда придётся тебе самому лезть ко мне в глотку, хоть и не очень сытный из тебя получится ужин.

И Смирре попробовал было схватить Нильса. Но это было не так-то легко – Нильс крепко, обеими руками, держался за его хвост.

Смирре прыгнул вправо, а хвост повернулся влево.

Смирре прыгнул влево, а хвост повернулся вправо.

Смирре кружился, как волчок, но и хвост кружился вместе с ним, а вместе с хвостом и Нильс.

Сначала Нильсу было даже весело от этой бешеной пляски. Но скоро руки у него затекли, в глазах зарябило, голова закружилась.

Нет! Долго так не продержаться! Надо удирать!

Нильс разжал руки и выпустил лисий хвост.

И сразу, точно вихрем, его отбросило далеко в сторону и ударило о толстую сосну. Не чувствуя боли, Нильс стал карабкаться на дерево выше, выше и так – без передышки – чуть не до самой вершины.

Но Смирре ничего не видел: всё кружилось и мелькало у него перед глазами, и сам он, как заводной, кружился на месте, разметая хвостом прошлогодние листья.

– Теперь ты можешь отдохнуть немножко! – крикнул ему сверху Нильс.

Смирре остановился как вкопанный и с удивлением посмотрел на свой хвост. На хвосте никого не было.

– Ты не лис, а ворона! Карр! Карр! Карр! – кричал Нильс.

Смирре задрал голову. Из-за толстого корявого сучка выглядывал Нильс и показывал ему язык.

– Всё равно от меня не уйдёшь! – сказал Смирре и уселся под деревом.

2

Так прошла вся ночь. Высоко на дереве, прислонившись к сучку, сидел Нильс. Он надеялся, что лис в конце концов проголодается как следует и пойдёт искать себе другую добычу. А внизу под деревом неподвижно сидел Смирре: он рассчитывал, что Нильс всё-таки заснёт и свалится ему прямо в пасть.

Небо посветлело, потом порозовело. Взошло солнце. А они всё так и сидели: Нильс на дереве, лис под деревом.

С озера донёсся крик диких гусей, и Нильс увидел, как вся стая поднялась со льдины и полетела над лесом. Он крикнул им, замахал руками, но гуси пролетели над самой его головой и скрылись за верхушками сосен. Вместе с ними улетел его единственный товарищ белый гусь Мартин.

Нильс почувствовал себя таким несчастным и одиноким, что чуть не заплакал.

Он посмотрел вниз. Под деревом по-прежнему сидел лис Смирре, задрал острую морду, и ехидно ухмыльнулся.

– Эй, ты! – крикнул ему Смирре. – Видно, твои друзья не очень-то о тебе беспокоятся. Слезай-ка ты лучше вниз! У меня для дорогого дружка хорошее местечко приготовлено, тёпленькое, уютное! – и он погладил себя лапой по брюху.

И вдруг где-то совсем близко захлопали крылья. Среди густых веток медленно и осторожно, боясь поломать широкие крылья, летел серый гусь. Как будто не видя опасности, он летел прямо на Смирре.

Смирре замер. Он весь съёжился и приготовился к прыжку. Гусь летел так низко, что, казалось, крылья его вот-вот заденут землю.

Точно отпущенная пружина, Смирре подскочил кверху. Он чуть было не схватил гуся за крыло. Но гусь увернулся из-под самого его носа и бесшумно, как тень, пронёсся к озеру.

Не успел Смирре опомниться, а из чащи леса уже вылетел второй гусь. Он летел так же низко и так же медленно.

Смирре изловчился и прямо взвился вверх. Уж теперь-то глупая птица не уйдёт от него!.. Но удар пришёлся по воздуху, и гусь как ни в чём не бывало скрылся за деревьями.

Через минуту показался третий гусь. Он летел вкривь и вкось, как будто у него было перебито крыло.

Чтобы не промахнуться снова, Смирре подпустил его совсем близко – вот сейчас гусь налетит на него и заденет крыльями.

Прыжок – и Смирре уже коснулся гуся. Но тот шарахнулся в сторону, и острые когти лиса только проскрипели по гладким серым перьям.

Потом из чащи вылетел четвёртый гусь, пятый, шестой... Смирре метался от одного к другому. Глаза у него покраснели, язык свесился набок, рыжая шерсть сбилась клоچьями. От злости и голода он ничего уже не видел, он бросался на солнечные пятна, на свою собственную тень и впопыхах погнался даже за бабочкой.

Тем временем белый гусь Мартин подлетел к Нильсу и, бережно сняв его с ветки, понёс к озеру.

Там, на большой льдине, уже собралась вся стая.

Увидев Нильса, дикие гуси радостно загоготали и захлопали крыльями. А старая Акка Кнебекайзе выступила вперёд и сказала:

– Ты первый человек, от которого мы видели добро, и стая позволяет тебе остаться с нами.

Глава IV

Новые друзья и новые враги

1

Пять дней летел уже Нильс с дикими гусями. В общем, птичья жизнь была ему по душе: уроков учить не надо, гусей пасти не надо, хворост таскать не надо. Летишь себе и летишь! Синему небу конца-края нет, воздух лёгкий, прохладный, будто в чистой воде в нём купаешься. А земля внизу вся как на ладони. Только и дела – гляди по сторонам. Всё само так и бежит тебе навстречу – и горы, и реки, и города, и деревни.

Надоест смотреть вниз, можно смотреть вверх. Это тоже интересно. Облака точно взапуски гонятся за стаей: то догонят её, то отстанут, а то вдруг собьются в кучу и снова разбегутся, как барашки по полю.

Не заметишь, как и день пройдёт.

А настанет ночь, Нильсу и тут мало забот: всегда готова для него тёплая пуховая постель под крылом у Мартина.

Только вот беда – есть нечего. Дикие гуси вылавливали для Нильса самые лучшие водоросли и самых больших головастиков, но Нильс никак не решался отведать такое угощение.

По ночам ему снилось, что он один съедает полный чугунок горячей рассыпчатой картошки, потом целую миску киселя и запивает всё тёплым парным молоком.

Да всё это только во сне! А чуть проснёшься, опять есть хочется.

Случалось, что ему везло, и в лесу, под сухими листьями, он находил прошлогодние орешки. Правда, сам он не мог их разбить. Он нёс их Мартину, закладывал ему в клюв, и Мартин раскалывал твёрдую скорлупу лучше всяких щипцов. Дома Нильс почти так же колот грецкие орехи. Только закладывал он их не в гусиный клюв, а в дверную щель.

Но орехов было очень мало.

Чтобы найти хоть один орешек, Нильсу приходилось целый час бродить по лесу, пробираясь сквозь жёсткую, прошлогоднюю траву, увязая в сыпучей хвое, спотыкаясь о хворостинки.

На каждом шагу его подстерегала опасность.

Однажды, когда, вооружившись корявым сучком, он разгребал кучу сухих листьев, на него вдруг напали муравьи. Целые полчища огромных пучеглазых муравьёв окружили его со всех сторон. Они кусали его, обжигали своим ядом, карабкались на него, залезали за шиворот и в рукава.

Нильс отряхивался, отбивался от них руками, топтал ногами, но пока он справлялся с одним врагом, на него набрасывалось десять новых.

Когда он прибежал к болоту, на котором располагилась стая, гуси даже не сразу узнали его – весь он, от макушки до пяток, был облеплен чёрными муравьями.

– Стой и не шевелись! – закричал ему Мартин и стал быстро-быстро склёвывать одного муравья за другим.

2

Целую ночь после этого Мартин, как нянька, ухаживал за Нильсом.

От муравьиных укусов лицо, руки и ноги у Нильса стали красные, как свёкла, и покрылись огромными волдырями. Глаза затекли. Тело ныло и горело, точно после ожога.

Мартин собрал большую кучу сухой травы, чтобы Нильсу было помягче лежать, а потом обложил его мокрыми липкими листьями, чтобы его не мучил жар.

Как только листья подсыхали, Мартин осторожно снимал их клювом, окунал в болотную воду и снова прикладывал к больным местам.

К утру Нильсу стало полегче, ему даже удалось повернуться на другой бок.

– Кажется, я уже здоров, – сказал Нильс, тяжело охая.

– Какое там здоров! – проворчал Мартин. – Ни носа, ни глаз совсем не видно, всё распухло. Ты бы сам не поверил, что это ты, если б увидел себя. За один час так расстолстел, будто тебя год чистым ячменём откармливали.

Кряхтя и охая, Нильс высвободил из-под мокрых листьев одну руку и распухшими, негнущимися, как чурбашки, пальцами стал ощупывать своё лицо.

И верно, лицо было как надутый футбольный мяч. Нильс с трудом нашёл кончик носа, затерявшийся между вздувшимися щеками, почесал ухо, которое выросло, как лопух, и торчало где-то в стороне, а вовсе не там, где ему полагается; хотел протереть глаза, но никак не мог до них добраться.

– Может, надо почаще менять листья? – робко спросил он Мартина. – Как ты думаешь? А? Может, тогда скорее пройдёт?

– Да куда же чаще! – сказал Мартин. – Я и так всё время взад-вперёд бегаю. И надо ж тебе было в муравейник залезть!

– Да разве я знал, что там муравейник? Я не знал! Я орешки искал!

– Ну ладно, не вертись, – сказал Мартин и шлёпнул ему на лицо большой мокрый лист. – Полежи спокойно, а я сейчас приду.

И Мартин куда-то ушёл. Нильс только слышал, как зачмокала и захлюпала под его лапами болотная вода. Потом чмоканье стало тише и, наконец, затихло совсем.

Через несколько минут в болоте снова зачмокало и зачавкало, сперва чуть слышно, где-то вдалеке, а потом всё громче, всё ближе и ближе.

Но теперь шлёпали по болоту уже четыре лапы.

«С кем это он идёт?» – подумал Нильс и завертел головой, пытаясь сбросить компресс, закрывавший всё его лицо.

– Пожалуйста, не вертись! – раздался над ним строгий голос Мартина. – Что за беспокойный больной – ни на минуту одного нельзя оставить!

– А ну-ка, дай я посмотрю, что с ним такое, – проговорил другой гусиный голос, и кто-то приподнял лист с лица Нильса.

Сквозь щёлочки глаз Нильс увидел Акку Кнебекайзе. Она долго с удивлением рассматривала Нильса, потом покачала головой и сказала:

– Вот уж никогда не думала, что от муравьёв такая беда может приключиться! На гусей-то они, конечно, нападать не смеют – знают, что гусь их не боится, сразу целую сотню уложит. Ну, а тебя увидели и обрадовались.

– Когда я был большим, – обиженно сказал Нильс, – я с ними справлялся лучше всякого гуся. – И он вздохнул. – Я тогда никого не боялся.

– Ты и теперь никого не должен бояться, – сказала Акка. – Но быть настороже должен всегда. Не забывай, что теперь у тебя много новых врагов. Победить их может только тот, кто находчив и осторожен. Будь всегда наготове. В лесу берегись лисицы и куницы. На берегу

озера помни о выдре. В ореховой роще избегай кобчика. Ночью прячься от совы, днём не попадайся на глаза орлу и ястребу. Если ты идёшь по густой траве, прислушивайся, не шуршит ли змея. Если с тобой заговорит сорока, не доверяй ей – сорока всегда обманет.

– Ну, тогда мне всё равно пропадать, – сказал Нильс. – Разве уследишь за всеми сразу? От одного спрячешься, а другой тебя как раз и схватит.

– Конечно, одному тебе со всеми не справиться, – сказала Акка. – Но в лесу и в поле живут не только наши враги, у нас есть и друзья. Если в небе покажется орёл – тебя предупредит зяблик; если на дереве прячется куница – тебе скажет белка; о том, что крадёт лиса, пролопочет заяц; о том, что ползёт змея, прострекочет кузнечик.

– Чего ж они все молчали, когда я в муравьиную кучу лез? – недоверчиво проворчал Нильс.

– Ну, надо и самому голову на плечах иметь, – ответила Акка. – А теперь вот что я тебе скажу: мы проживём здесь три дня. Болото тут хорошее, водорослей сколько душе угодно, а путь нам предстоит долгий. Вот я и решила – пусть стая отдохнёт да подкормится. А Мартин тем временем тебя полечит. На рассвете четвёртого дня мы вылетаем.

Акка слегка кивнула головой и неторопливо зашлёпала по болоту.

3

Это были трудные дни для Мартина. Нужно было и лечить Нильса, и кормить его. Сменив компресс из мокрых листьев и поправив подстилку, Мартин бежал в ближний лесок на поиски орехов.

Два раза он возвращался ни с чем.

– Да ты, наверное, не умеешь искать! – ворчал Нильс. – Надо хорошенько разгребать листья. Орешки всегда на самой земле лежат.

– Я и так уж рою-рою – скоро клюв затуплю. В спешке то на камень наткнёшься, то за корень зацепишься... Тебя-то ведь надолго одного не оставишь!.. А лес не так уж близко. Не успеешь добежать, сразу назад надо.

– А ты зачем пешком бегаешь? Ты бы летал.

– А ведь верно! – обрадовался Мартин. – Как это я сам не догадался! Вот что значит старая привычка!

На третий раз Мартин прилетел совсем скоро, вид у него был очень довольный. Он спустился прямо около Нильса и, не говоря ни слова, во всю ширь разинул клюв. И оттуда один за другим выкатилось шесть ровных, крупных, крепких орехов. Таких красивых орехов Нильс никогда ещё не находил. Те, что он подбирал на земле, всегда были уже подгнившие, почерневшие от сырости.

– Где это ты нашёл такие орешки? – воскликнул Нильс. – Прямо точно из лавки.

– Ну, хоть и не из лавки, – важно сказал Мартин, – а вроде того.

Он подхватил самый крупный орешек и сдавил его клювом. Скорлупа звонко хрустнула, и на ладонь Нильса упало свежее золотистое ядрышко.

– Эти орехи дала мне из своих запасов белка Сирле, – гордо сказал Мартин. – Я познакомился с ней в лесу. Она сидела на сосне перед дуплом и щёлкала орешки для своих бельчат. А я мимо летел. Белка так удивилась, когда увидела меня, что даже выронила орешек. «Вот, – думаю, – удача! Вот повезло!» Присмотрел я, куда орешек упал, и скорее вниз. А белка за мною тоже вниз. С ветки на ветку перепрыгивает и ловко так – точно по воздуху летает. Я думал, ей орешек жалко – белки ведь народ хозяйственный. Да нет, вижу, просто её любопытство разобрало: кто я, да откуда, да отчего у меня крылья белые? Ну, мы и разговорились. Она меня даже к себе пригласила на бельчат посмотреть. Мне хоть и трудно было среди веток летать, да неловко было отказаться. Посмотрел. А потом она меня орехами угостила и на прощанье вон ещё сколько дала – едва в клюве поместились. Я даже поблагодарить её не мог – боялся орехи растерять.

– Вот это нехорошо, невежливо, – сказал Нильс, запихивая орешек в рот. – Придётся мне самому её поблагодарить.

4

На другое утро Нильс проснулся чуть свет. Мартин ещё спал, спрятав, по гусиному обычаю, голову под крыло.

Нильс легонько пошевелил ногами, руками, повертел головой. Ничего, совсем не больно.

Тогда он осторожно, чтобы не разбудить Мартина, выполз из-под вороха листьев и побежал к болоту. Он выискал кочку посуше и покрепче, взобрался на неё и, став на четвереньки, заглянул в неподвижную чёрную воду.

Лучшего зеркала и не надо было! Из блестящей болотной жижи на него глядело его собственное лицо. И всё было на месте: нос как нос, щёки как щёки, только правое ухо чуть-чуть больше левого.

Нильс поболтал пальцем в воде, и сразу его лицо в зеркале перекошилось, скривилось, раздулось.

«Вот, наверное, я такой и был!» – подумал Нильс.

Он подождал, пока вода успокоится, и снова наклонился над болотом. Всё в порядке! Лицо как лицо.

Нильс встал, отряхнул мох с коленок и зашагал к лесу.

Он решил непременно разыскать белку Сирле.

Во-первых, надо поблагодарить её за вчерашние орешки, а во-вторых, попросить ещё орехов – про запас. И бельчат заодно хорошо бы посмотреть...

Пока Нильс добрался до опушки, небо уже совсем посветлело.

«Надо скорее идти, – заторопился Нильс. – Хорошо бы вернуться, пока Мартин ещё не проснулся! Вот он меня похвалит, когда узнает, что я уже и в лесу побывал, и с белкой познакомился, и орехов полные карманы принёс!»

Но всё получилось не так, как думал Нильс.

С самого начала ему не повезло.

Мартин говорил, что белка живёт на сосне. Но сосен в лесу очень много. Поди-ка угадай, на какой она живёт! Не лезть же, в самом деле, на каждую сосну!

«Надо спросить кого-нибудь», – подумал Нильс, пробираясь по лесу.

Он старательно обходил каждый пенёк, чтобы снова как-нибудь не попасть в муравьиную засаду, прислушивался к каждому шороху и, чуть что, хватался за свой ножичек, готовясь отразить нападение змеи.

Он шёл так осторожно, так часто оглядывался, что даже не заметил, как наткнулся на ежа.

Ёж принял его прямо в штыки, выставив ему навстречу сотни своих иголок.

Нильс попятился назад и, отступив на почтительное расстояние, вежливо сказал:

– Мне нужно у вас кое-что разузнать. Но ваш воинственный вид не располагает к мирной беседе. Нельзя ли вас попросить хотя бы на время убрать ваши колючки?

– Нельзя! – буркнул ёж и плотным колючим шаром прокатился мимо Нильса.

– Ну, нельзя, так нельзя, – сказал Нильс. – Найду кого-нибудь посговорчивей.

И только он двинулся дальше, как откуда-то сверху на него посыпался настоящий мусорный град: кусочки сухой коры, хворостинки, шишки. Одна шишка просвистела у самого его носа, другая ударила по макушке. Нильс почесал голову, стряхнул мусор и с опаской поглядел вверх.

Прямо над его головой на широколапой ели сидела остроносая длиннохвостая сорока и старательно сбивала клювом чёрную шишку. Пока Нильс разглядывал сороку и придумывал, как бы с ней заговорить, сорока справилась со своей работой, и шишка стукнула Нильса по лбу.

– Чудно! Прекрасно! Чудно! Прекрасно! Прямо в цель. Прямо в цель! – затараторила сорока и шумно захлопала крыльями, прыгая по ветке.

– По-моему, вы не очень хорошую цель выбрали, – сердито сказал Нильс, потирая лоб.

– Чем же плохая цель? Очень хорошая цель. Попадание без промаха. Пойдите минутку здесь, я ещё вон с той ветки попробую, – и сорока вспорхнула на ветку повыше. – Кстати, как вас зовут? Чтобы я знала, в кого целюсь! – крикнула она сверху.

– Зовут-то меня Нильсом. Только, право, вам не стоит трудиться. Я и так знаю, что вы попадёте. Лучше скажите мне, где тут живёт белка Сирле. Мне очень она нужна.

– Белка Сирле? Вам нужна белка Сирле? О, мы с ней старые друзья! Я с удовольствием вас провожу до самой её сосны. Это недалеко. Идите за мной следом. Куда я – туда и вы. Куда я – туда и вы. Прямо к ней и придёте.

С этими словами она перепорхнула на клён, с клёна перелетела на ель, потом на осину, потом опять на клён, потом снова на ель...

Нильс метался за ней взад и вперёд, не отрывая глаз от длинного вертявого хвоста, мелькавшего среди веток. Он спотыкался и падал, опять вскакивал и снова бежал за сорочьим хвостом.

Лес становился всё гуще, всё темнее, а сорока всё перепрыгивала с ветки на ветку, с дерева на дерево.

Потом взвилась в воздухе и закружилась над Нильсом.

– Ждите меня здесь до завтра! – прокричала сорока и скрылась в лесной чаще.

5

Целый час выбирался Нильс из лесу.

Когда он вышел на опушку, солнце уже стояло высоко в небе.

Усталый и голодный, Нильс присел на корявый корень.

«Вот уж посмеётся надо мной Мартин, когда узнает, как меня сорока одурачила!.. И что я ей сделал? Правда, один раз я разорил сорочье гнездо, но ведь это было в прошлом году и не здесь, а в Вестменхёге. Ей-то откуда знать! А ежа совсем никогда не трогал – ни здесь, ни в Вестменхёге, а он и разговаривать со мной не захотел».

Нильс тяжело вздохнул и с досадой стал носком башмачка ковырять землю.

И вдруг под ногами у него что-то хрустнуло. Нильс наклонился.

На земле лежала ореховая скорлупка. Вот ещё одна. И ещё, и ещё.

«Откуда это здесь столько ореховой скорлупы? – удивился Нильс. – Уж не на этой ли самой сосне живёт белка Сирле?»

Нильс вскочил и медленно обошёл дерево, всматриваясь в густые зелёные ветки. Никого не было видно. Тогда Нильс набрал побольше воздуха и закричал как можно громче:

– Не здесь ли живёт белка Сирле?

Никто не ответил.

Нильс сложил ладони трубкой, приставил ко рту и опять закричал:

– Госпожа Сирле! Госпожа Сирле! Ответьте, пожалуйста, если вы здесь!

Он замолчал и опять прислушался. Сперва всё было по-прежнему тихо, а потом сверху до него донёлся тоненький, едва слышный писк.

– Говорите, пожалуйста, погромче! – опять закричал Нильс и замер, прислушиваясь к ответу.

И снова до него донёлся только жалобный писк. Но на этот раз писк шёл откуда-то из кустов, росших у самых корней сосны.

Нильс подскочил к кусту и притаился. Нет, ничего не слышно – ни шороха, ни звука.

А над головой опять кто-то запищал, теперь уже совсем громко.

«Полезу-ка, посмотрю, что там такое», – подумал Нильс и, цепляясь за выступы коры, стал карабкаться на сосну.

Карабкался он долго. На каждой ветке останавливался, чтобы отдышаться, и снова лез вверх. И чем выше он забирался, тем громче и ближе раздавался навстречу ему тревожный писк.

Наконец Нильс увидел большое дупло.

Из чёрной дыры, как из окна, высовывались четыре маленьких бельчонка.

Они вертели во все стороны острыми мордочками, толкались, налезали друг на друга, путаясь длинными голыми хвостами. И всё время, ни на минуту не умолкая, они пищали в четыре рта, на один голос.

Увидев Нильса, бельчата от удивления замолкли на секунду, а потом, как будто набравшись новых сил, запищали ещё пронзительней.

– А ну-ка, прекратите эту музыку и расскажите толком, что у вас случилось, –скомандовал Нильс.

Но в ответ ему раздался такой отчаянный писк, что у Нильса в ушах зазвенело.

– Тирле упал! Тирле пропал! Мы тоже упадём! Мы тоже пропадём! – верещали бельчата. – Мама! Мама! Иди сюда. Мы есть хотим!

Нильс даже зажал уши, чтобы не оглохнуть.

– Да не галдите вы! Пусть один говорит. Кто там у вас упал?

– Тирле упал! Тирле!

– Он влез на спину Дирле, а Пирле толкнул Дирле, и Тирле упал.

– Пойдите-ка, я что-то ничего не пойму: пирле-дирле, дирле-пирле! Позовите-ка мне белку Сирле, это ваша мама, что ли?

– Ну да, это наша мама! Только её нет, она ушла, а Тирле упал. Его змея укусит, ястреб заклюёт, куница съест. Мама! Мама! Иди сюда!

– Ну, вот что, – сказал Нильс, – забирайтесь-ка поглубже в дупло, пока вас и вправду куница не съела, и сидите смирно. А я полезу вниз, поищу там вашего Мирле – или как его там зовут!

– Тирле! Тирле!

– Его зовут Тирле!

– Ну Тирле, так Тирле, – сказал Нильс и осторожно стал спускаться.

6

Нильс искал бедного Тирле недолго. Он прямо двинулся к кустам, откуда раньше слышался писк.

– Тирле! Тирле! Где ты? – кричал он, раздвигая кусты.

Из глубины кустарника в ответ ему кто-то тихонько пискнул.

– Ага, вот ты где! – сказал Нильс и смело полез вперёд, ломая по дороге сухие стебли и сучки.

В самой гуще кустарника он увидел серый комочек шерсти с реденьким, как метёлочка, хвостиком. Это был Тирле. Он сидел на тоненькой веточке, вцепившись в неё всеми четырьмя лапками, и так дрожал со страху, что ветка раскачивалась под ним, точно от сильного ветра.

Нильс выждал, пока кончик ветки наклонится к нему, и, ухватившись за него обеими руками, как на канате, подтянул Тирле к себе.

– Перебирайся ко мне на плечи, – скомандовал Нильс.

– Я боюсь! Я упаду! – пропищал Тирле.

– Да ты уже упал, больше падать некуда! Лезь скорее!

Тирле осторожно оторвал от ветки одну лапу и вцепился в плечо Нильса. Потом он вцепился в него второй лапой и наконец весь, вместе с трясущимся хвостом, перебрался на спину к Нильсу.

– Держись крепче! И когтями не очень-то впивайся, – сказал Нильс и, сгибаясь под тяжёлой ношей, медленно пошёл в обратный путь.

– Ну и здоровенный же ты! – вздохнул Нильс, выбравшись из чащи кустарника.

Он осторожно спустил Тирле на землю и в раздумье стал рассматривать сосну, как будто прикидывая, сможет ли он дотащить Тирле до беличьего дупла.

– А, моё почтение, господин Нильс! Как поживаете? Давно не виделись! – затрещал над ним знакомый скрипучий голос.

Это была длиннохвостая сорока, с которой Нильс познакомился нынче утром.

– Не хотите ли, я провожу вас к белке Сирле? Я знаю самую короткую дорогу.

Нильс ничего не ответил ей. Он снова взвалил на спину Тирле и двинулся к сосне. Но не успел он сделать и трёх шагов, как сорока пронзительно закричала, затрещала, захлопала крыльями.

– Разбой среди бела дня! У белки Сирле похитили бельчонка! Разбой среди бела дня!
Несчастливая мать! Несчастливая мать!

– Никто меня не похищали – я сам упал! – пискнул Тирле.

Но сорока и слушать ничего не хотела.

– Несчастливая мать! Несчастливая мать! – тараторила она как заведённая.

А потом сорвалась с ветки и стремительно полетела в глубь леса, выкрикивая на лету всё одно и то же:

– Разбой среди бела дня! У белки Сирле украли бельчонка! У белки Сирле украли бельчонка!

– Вот пустомеля! – сказал Нильс и полез на сосну.

7

Нильс уже был на полпути, как вдруг услышал какой-то глухой раскатистый шум. Шум приближался, становился всё громче, и скоро воздух наполнился птичьим криком и хлопаньем тысячи крыльев.

Со всех сторон к сосне слетались встревоженные птицы, а между ними взад и вперед сновала длиннохвостая сорока и громче всех кричала:

– Где этот злодей Нильс? Ищите его! Ловите его! Держите его!

– Ой, я боюсь! – прошептал Тирле. – Они тебя заклюют, а я опять упаду!

– Ничего не будет, они нас даже не увидят, – храбро сказал Нильс, а сам подумал: «А ведь и верно – заклюют!»

Но всё обошлось благополучно.

Под прикрытием веток Нильс с Тирле на спине добрался наконец до беличьего гнезда.

На краю дупла сидела белка Сирле и рыжим пушистым хвостом вытирала слёзы.

А над ней кружилась сорока и без умолку трещала:

– Несчастливая мать! Несчастливая мать!

– Получайте вашего сына, – тяжело пыхтя, сказал Нильс и, точно куль муки, сбросил Тирле в отверстие дупла.

Увидев Нильса, сорока замолчала на минуту, а потом решительно тряхнула хвостом и застрекотала ещё громче:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.